

Александр Герцен

СОРОКА-ВОРОВКА

ПОВЕСТИ И РАССКАЗЫ

УДК 82-31
ББК 83.3(2Рос=Рус)
Г41

Герцен, А.

Г41 Сорока-воровка / А. Герцен. — М. : T8RUGRAM, 2018. — 258 с. — (Модное чтение).

ISBN 978-5-521-78025-9

Александр Иванович Герцен (1812–1870) — публицист, писатель, философ XIX века, либерал, сторонник революционных преобразований, один из виднейших критиков официальной идеологии и политики Российской империи.

«Сорока-воровка» — сборник удивительных повестей и рассказов, тесно связанных между собой идеологическими взглядами автора и пронизанных антикрепостническим духом. В книгу вошли произведения: «Мимоездом», «Доктор Крупов», «Сорока-воровка», «Повреждённый», «Трагедия за стаканом грога», «Скуки ради» и «Долг прежде всего», в которых органически слились прекрасный литературный слог и революционные идеи выдающегося писателя-просветителя.

УДК 82-31
ББК 83.3(2Рос=Рус)
BIC FC
BISAC FIC000000

ISBN 978-5-521-78025-9

© T8RUGRAM, 2018

СОРОКА-БОРОВКА

Содержание

Мимоездом	7
Доктор Крупов	11
Сорока-воровка	49
Поврежденный.....	79
Трагедия за стаканом грога.....	109
Скуки ради	119
Долг прежде всего.....	178

МИМОЕЗДОМ

Отрывок

...Ехавши как-то из деревни в Москву, я остановился дни на два в одном губернском городе. На другое утро явилась ко мне жена одного крестьянина из нашей вотчины, который торговал тут. Она была в отчаянии: муж ее сидел шестой месяц в остроге, и до нее дошел слух, что его скоро накажут. Я расспросил дело; никакой важности в Преступлении его не было.

Я знал когда-то товарища председателя, честнейшего человека в мире и большого оригинала; отправляюсь прямо к нему в уголовную Палату; присутствие еще не начиналось; мой старичок, с своим добродушным лицом и с синими очками на глазах, сидел один-одинехонек, читая страшной толщины дело. Мы с ним не видались года три, он обрадовался мне, и я ему обрадовался, не потому, чтобы мы друг друга особенно любили, а потому, что человек всегда радуется, когда увидит знакомые черты после долгого отсутствия. Я сказал ему о причинах моего появления. Он велел подать дело; резолюция была подготовлена, я попросил его обратить внимание на некоторые «облегчающие обстоятельства», он согласился в возможности уменьшить наказание.

Поблагодаривши его, я не мог удержаться, чтобы не сказать ему, дружески взявши его за руку:

— Владимир Яковлевич, ну, а если б я не пришел да не попросил бы вас перечитать дело, мужика-то бы наказали строже, нежели надобно.

— Что делать, батюшка, — отвечал старик, поднимая свои синие очки на лоб, — совесть у меня чиста; я, не читавши всего дела, никогда не подпишу протокола, но, признаюсь, как огня боюсь отыскивать облегчающие причины.

— Ну, вас нельзя обвинить ни в снисходительности, ни в особом желании облегчить участь подсудимого.

— Совсем напротив. Я двадцатый год служу в этой палате, а всякий раз как придется подписывать строгий приговор, так мурашки по телу пробегают.

— Так отчего же вы не любите облегчающих обстоятельств?

— Ведут далеко, вот что; право, вы, нынешние, все только вершки хватаете — ну, ведь вы, чай, служили там где-нибудь в министерстве, а дела, наверно, в руки не брали; но вам оно все темная грамота. Не хотите ли позаняться у нас в архиве, прочтите дела хоть за два последние года, вперед пригодится, и судопроизводство узнаете, и людей тоже. Тут и поймете, что такое отыскивать оправдания и куда это ведет.

— Благодарю за доброе предложение, однако прежде, нежели я перееду в ваш архив на несколько месяцев, — скорее не прочтешь двух полок, — объясните теперь еще более непонятное для меня отвращение ваше от облегчающих обстоятельств.хлопот, что ли, много, времени недостает рыться в каждом деле?

— Господи, прости мои прегрешения, да что я, батюшка, в ваших глазах турка или якобинец какой, что из лени (заметьте, якобинцев во всем обвиняли прежде, но исключительно Владимиру Яковлевичу принадлежит честь обвинения их в лени) стану усугублять участь несчастного; говорю вам — далеко поведет.

— Воля ваша, я готов согласиться, что я непростительно туп, но не понимаю вас.

— О... о... ох, эти мне петербургские чиновнику портфельчик эдакий сафьянный с золотым замочком под мышкой, а плохие дельцы. Да помилуйте, возьмите любое дело да начните отыскивать облегчающие обстоятельства, от одного к другому, от другого к третьему, так к концу-то и выйдет, что виноватого вовсе нет. Что же за порядки?

— Тем лучше.

— Так это, по-вашему, за все по головке гладить. Это где-нибудь в Филадельфии хорошо, где люди друг друга едят, как же в благоустроенном обществе виноватого не наказать?

— Да какой же он виноватый, когда вы сами найдете ему оправдание?

— Ну, да эдак и всякого оправдаешь, коли дать волю мурованиям. Я разве затем тут посажен? Я старого покроя человек, мое дело — буквальное исполнение, да и так нехорошо — ну, как же, видишь, что человек украл, вор есть, а тут пойдет... Да он от голоду украл, да мать больна, да отец умер, когда ему было три года, он по миру с тех пор ходил, привык бродяжничать... и конца нет; так вора и оставить без наказания? Нет, батюшка, собственное сознание есть, улики есть — прошу не гневаться, XV том Свода законов да статейку. Вот оттого эти облегчительные обстоятельства для меня нож вострый, мешают ясному пониманию дела.

Теперь я, знаете, понаторел и попривык, а, бывало, сначала, ей-богу, измучишься, такой скверный нрав. Ночью придет дело в голову, вникнешь, порассудишь — не виноват, да и только, точно на смех, уснуть не дает: кажется, из чего хлопотать, — не то что родной или друг,

а так — бродяга, мерзавец, беглый... поди ты, а сердце кровью обливается. Оправдай этого, оправдай другого, а там третьего... на что же это похоже, я себя на службе не замарал, честное имя хочу до могилы сохранить. Что же начальство скажет — все оправдывает, словно дурак какой-нибудь, да и самому совестно.

Я думал, думал, да и перестал искать облегчающих причин. Наша служба мудреная, не то что в гражданской палате — доверенность засвидетельствовал, купчую совершил, духовную утвердил, отпускную скрепил, да и спи спокойно. А тут подумаешь — такой-то Еремей вот две недели тому назад тут стоял, говорил, а идет теперь по Владимирской; такая-то Акулина идет тоже, да и, знаете... того... на ногах... ну и сделается жаль. Понимаете теперь?

— Понимаю, понимаю, добрейший и почтеннейший Владимир Яковлевич.

Прощайте, этого разговора я не забуду.

— Пожалуйста, батюшка, по Питеру-то не рассказывай такого вздору, ну, что скажет министр или особа какая — «Баба, а не товарищ председателя».

— О нет, нет, будьте уверены — я вообще с особами ни о чем не говорю.

Москва, Май 1846